

Методий
Буслаев

**Читайте в серии о
Мефодии Буслаеве:**

- 1. Маг полуночи**
Свиток желаний
2. Третий всадник мрака
Билет на Лысую Гору
3. Мечь валькирий
Тайная магия Депресняка
4. Лед и пламя Тартара
Первый эйдос
5. Светлые крылья для темного стража
Лестница в Эдем
6. Карта хаоса
Ожерелье дриады
7. Стекланный страж
Танец меча
8. Огненные врата
Книга семи дорог
9. Ладья света
Ошибка грифона
10. Самый лучший враг

Дмитрий Емец

Меродий Буслаев

Маг полуночи ✦ Свиток желаний

МОСКВА 2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Иллюстрация на обложку
Анны Афанасьевой

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Маг полуночи; Свиток желаний / Дмитрий Емец. —
Москва : Эксмо, 2023. — 688 с. — (Д. Емец. Мефодий Бу-
слаев. Легендарное городское фэнтези).

ISBN 978-5-04-186924-3

Маг полуночи

Мефодий Буслаев – вроде обычный парень, почти доживший до тринадцати лет, – однажды узнает, что должен стать величайшим чёрным магом. Но сеять зло вокруг ему совсем не нравится.

Дафна – вроде обычный страж Света. Но почему-то обожает нарушать правила и совершать мелкие пакости.

Только вместе они могут пройти лабиринт Храма Вечного Ристалища. То, с чем вернётся Мефодий из Храма, и то, на чью сторону он встанет, решит исход великого противостояния сил Света и Тьмы.

Как, сделав выбор между Светом и Тьмой, остаться собой? На этот вопрос Мефодию придётся искать ответ самому. Но ни Тьма, ни Свет сдаваться не собираются.

Свиток желаний

В стародавние времена маг-алхимик Бругус изготовил свиток желаний, спрятал его в одну из двух волшебных шкатулок и отправил странствовать в лопуховидный мир. За прошедшие века свиток приобрёл чудовищную магическую силу, но остался при этом нейтральным артефактом. Он может послужить как Тьме, так и Свету, всё зависит от того, кто будет его использовать. Теперь свиток ищут и златокрылые, и стражи Мрака. И если Тартар обнаружит нужную шкатулку первым – произойдёт катастрофа...

А ещё посланец из Прозрачных Сфер утверждает, что история свитка будет связана с Дафной, стражем Света, и Мефодием Буслаевым, – будущим повелителем Мрака.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186924-3

© Емец Д., 2017
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

МАГ

ПОЛУНОЧИ

Он стоял, белый и непоколебимый, скорее рожденный, чем высеченный из единой скалы, возникший вдруг, в неведомом никогда, на той земле, где сходятся крайности, тьма становится светом, сила — слабостью, уродство — красотой, неподвижность — мудростью, где время не имеет силы, а ночь перетекает в день на берегах реки бесконечности, в пустыне застывших желаний и мертвых грез. Он стоял там, когда нашего мира не было, и останется стоять, когда его не будет. Даже посвященные не говорят о нем, ибо бесполезно говорить о том, что было всегда и что равнодушно к нашему вчера, сегодня и завтра. О том, для чего сон и явь, ночь и день, мужчина и женщина, ребенок и старик, жар и холод, жизнь и смерть — суть неразличимое одно.

Он — Храм Вечного Ристалища...

Тибидохс. Кабинет Сарданапала

*Через три года после рождения Тани Гроттер
и за семь лет до ее появления на о. Буяне*

В камине главы Тибидохса Сарданапала Черноморова пылал огонь. Питекантроп Тарарах на корточках сидел у камина и жарил шашлык, нанизанный на шпагу. Мясо вкусно скворчало и постреливало каплями жира.

— Оно, конечно, баранина ничего, да только все равно с мамонятиной какое сравнение — слезы одни! — ворчал Тарарах. — А на чем я жарю? Семь магов в школе, все головастые — жуть, один даже академик, и хоть бы кто удосужился нормальные шампуры наколдовать. Спасибо, я годков двести назад у маршала Даву шпажонку отобрал. Хорошая шпажонка — аккурат на двенадцать кусков.

Тарарах не преувеличивал. В кабинете академика действительно находились все семь тибидохских преподавателей — сам Сарданапал, Великая Зуби, Ягге, Поклеп, Медузия, Соловей О. Разбойник и профессор Клопп. Причем находились по поводу, который никак нельзя было назвать приятным.

Усы Сарданапала безнадежно подрагивали. Их бунтующие кончики крепко держал на затылке золотой зажим. Это был верный признак, что глава школы Тибидохс настроен на серьезный лад.

— У меня две новости: плохая и омерзительная. С какой начать? — спросил академик.

— Сарданапал, пожалей старуху. Начни с плохой. Я заканчиваю вязать Ягунчику шапку. Если сейчас ошибусь — придется много распускать, — осторожно заметила Ягге, поднимая глаза от спиц.

— Но-но, не скромничай! Не старьте старых стариков, они моложе молодцов! Забыла, как заговаривать спицы, чтобы они вязали сами? — улыбнулась Великая Зуби.

— Мой Ягунчик не любит наколдованные шапки. Он говорит, что у него в них уши не помещаются, — возразила Ягге.

Маленький Ягун, живой как ртуть, был любимчиком бабуся и большой проблемой всего остального Тибидоса. На месте он не мог усидеть вообще. Пару раз его снимали с пылесоса на подороге на Лысую Гору, а один раз нашли у Жутких Ворот, которые он пытался открыть гвоздиком, используя его как отмычку. Помешал пустяк: гвоздик оказался на сантиметр короче.

— Да, уши у Ягунчика редкостные. Не удивлюсь, если мальчишка будет хорошо играть в драконбол. Они позволят ему недурно планировать и закладывать крутые повороты, — кивнул Соловей О. Разбойник.

Сарданапал укоризненно кашлянул:

— Сегодня утром я закончил кое-какие расчеты. Через три дня, в пятом часу вечера, произойдет полное солнечное затмение. Оно продлится семь с половиной минут — астрономически максимально возможный срок для солнечного затмения. Здесь, на Буяне, мы ничего не увидим. Зато Москва полностью окажется в черной тени. От одной окраины до другой. На семь с половиной минут город провалится во Мрак...

Тарарах слизнул с пальцев жир и присмотрелся к мясу:

— В своей жизни я видел кучу затмений. И никогда ничего... Разве что как-то в палеолите бойкий парнишка из соседнего племени воспользовался паникой и стибрил у меня отличный каменный топор.

— Тарарах, затмение, о котором я говорю, не заурядное. О нем предупреждал еще Древнир. А Древнир не был склонен к пустой панике, — заметил Сарданапал.

— Насколько я понимаю, затмение — это и есть обещающая плохая новость. А теперь омерзительную. Я начинаю входить во вкус! — усмехнулась Медузия.

— Вот и она. Его назовут Мефодием Буслаевым. Он появится на свет спустя две минуты после того, как скроется солнце. Древнир не сомневался, что у мальчишки будет дар.

— Многие младенцы постучатся в дверь мира в эти семь с половиной минут. Возможно, дар будет у кого-то другого, — резонно возразила Медузия.

— Нет, Меди. Я убежден, что дар будет именно у него. Слишком много совпадений. Расположение звезд, место и время рождения, затмение и, главное, кровь. В роду у мальчишки было немало волшебников. В Средние века одну из его прапрапра сожгли на костре. Она насылала на своих соседей чуму взглядом и делала это чаще, чем требует обычная вежливость.

— А есть какая-то надежда, что Мефодий Буслаев не осознает своего дара? — осторожно спросила Медузия.

— Надежда умирает последней. Однако в данном случае она скончалась еще до появления мальчугана на свет, — мрачно пошутил академик.

Сарданапал встал и, не глядя ни на кого, стал прохаживаться по кабинету.

— Белые маги? Чудесно! Черные маги? Замечательно!.. Но мы забыли о тех, чьи силы во много раз превосходят нашу ворожбу и наши заклинания! О тех, кто древнее египетских пирамид! О стражах Мрака! О стражах Света! Вот кому нужен его дар! — убежденно произнес он.

— Но Сарданапал! Наверно, ты преувеличиваешь. Возможно, стражи Мрака ничего не знают о Мефодии Буслаеве, — осторожно сказала Великая Зуби.

Поклеп Поклепыч и профессор Клопп обменялись ироничными взглядами.

— Они знать о мальчишке все, если его дар стоить хотя бы один копейка! — пробурчал Клопп.

Зажим соскочил с усов Сарданапала, и они запрыгали, дирижируя невидимым оркестром.

— Да, профессор, да и еще раз да! Последние столетия все мы были преступно халатны! Волшебные книги, заклинания, драконбол, свары с древними божками, не желающими угомониться, — это и стало нашим миром. Но при этом... — тут академик снизил голос до шепота, — зачем обманывать себя? В день, когда родится мальчишка, проклятая пружина вновь начнет закручиваться, чтобы через тринадцать лет... Не хочу даже думать об этом.

— Стражи Мрака... — задумчиво сказала Медузия. — Представить только, что было время, когда я не видела разницы между магами и стражами. А потом поняла. Маги — белые ли, черные — не зависят от лопухоидов. Их мир существует отдельно, наш — отдельно. Мы не вмешиваемся в его историю и лишь стремимся, чтобы лопухоиды не узнали о нас. Совсем другое дело стражи Мрака. Им лопухоиды необходимы... Их мысли, их чувства, их эйдосы. Особенно эйдосы...

Поклеп мрачно посмотрел на нее:

— Точно, Медузия! Между простыми магами, такими как мы, и стражами Мрака чудовищная разница... Как между курами и индюками. Одни летают, а другие... других летают...

— Это потому, что мы, даже черные, такие как Клопп и Зуби, не подпитываемся силой эйдосов, — сказала доцент Горгонова.

— Если отбросить в сторону мораль, отказ от использования эйдосов имеет свои минусы. Дар каждого мага — белого или черного — задан изначально. Можно научиться владеть им, можно выучить несколько сотен заклинаний, но с годами сам дар не станет больше, разве что слегка отточится. Возьмите хоть наших учеников. Среди них есть сильные маги, а есть и такие, которые только и умеют что заставить табурет выбросить почки и зацвести. И таких мы тоже вынуждены брать! — хмыкнула Ягге.

— А кольцо? А артефакт? Разве они не усиливают дар? — наивно спросил Тарарах.

Соловей О. Разбойник рассмеялся:

— Усиливают. Но лишь до тех пор, пока ты ими владеешь. Артефакт — это как дубина у питекантропа. Делает ли она его сильнее?

— Еще как! Уж я-то знаю! Особенно если хорошая попадется. Вся гладкая, ровная, а на конце чтоб с утолщением. Сучок или там чего еще, — заверил его Тарарах. Глаза его затуманила ностальгия. — По мне, так: врежешь дубиной — мало не покажется. А при чем тут эйдосы? Что это вообще такое?

— Эйдосы — это то, что стражи Мрака стремятся заполучить в свои дархи, чтобы стать сильнее! — пояснила Великая Зуби.

Тарарах хмыкнул:

— Класс! Я тебя обожаю, Зуби! Ты умеешь все так понятно разложить по полочкам. Представь, я не знаю, что такое «мышь», и спрашиваю тебя. Ты отвечаешь: «Милый Тарарах, мышь ловят мышеловкой». — «А что такое мышеловка?» — спрашиваю я. «Мышеловка требуется для ловли мышей». Теперь я понимаю, почему твои ученики боятся твоих уроков до дрожи.

— Эйдос, за которым охотятся стражи Мрака, — это ядро, суть одухотворитель материи, билет в вечность, ключ к бессмертию, душа — то есть самое главное и важное, что есть у каждого лопухоида, у нас с вами и даже у Ягге, хоть она и богиня. У каждого только один эйдос, и это единственное, что нельзя подделать или скопировать с помощью магии. Лопухоид, потерявший жизнь и тело, но сохранивший эйдос, не теряет ничего. Но человек, утративший эйдос, теряет все, даже если его тело, разум и жизнь вне опасности, — пояснил Сарданапал.

— М-м-м... И как это выглядит? — спросил Тарарах.

— Да никак. Эйдос не имеет ни веса, ни формы. Или имеет. Маги спорят об этом уже несколько тысяч лет. Авессалом Приплюснутый считал, что эйдос — это невидимый драгоценный камень, который в тысячу раз ценнее любого алмаза, даже самого крупного. Экриль Мудрый был уверен, что это второе, главное — сердце, которое управляет биением первого сердца. Гуго Хитрый туманно утверждал, что эйдос — это «то *есть*, которого *нет*». Другими словами, эйдоса не существует до тех пор, пока его существование не будет осознано каждой конкретной личностью. Только тогда он появляется. Однако большинство ученых, к которым относится и ваш покорный слуга, сходятся во мнении, что эйдос есть у каждого, вне зависимости от того, осознает он это или нет. Эйдос похож на маленькую голубоватую искру или песчинку. Эта ис-

кра имеет огромную, ни с чем не сравнимую силу, именно она приобщает нас к вечности и не оставляет после смерти в гниющей плоти. Эйдос — вечная частица бытия, часть Того, Кто создал нас словом. Его не уничтожит ни дивизия горгулий, ни атомный взрыв, ни гибель Вселенной — ничто. И такую силу имеет даже один эйдос!

Именно этим и промышляют стражи Мрака. Чем больше эйдосов в дархе каждого стража — тем больше его возможности и, следовательно, тем выше он стоит в иерархии среди своих. Стражей нисколько не заботит, что вместе с эйдосом они отнимают у лопухоида вечность. Для них это предмет охоты — не более того.

— Они отнимают эйдосы силой?

— Силой эйдос отнять невозможно. Но эйдос можно отдать добровольно. Можно подарить, или продать, или обменять на алмаз, на царство, на яблочный огрызок — кто во что его оценит. С этим уже ничего не поделаешь. За сотни лет миллионы лопухоидов уже расстались со своими эйдосами, перекочевавшими в дархи к стражам Мрака, — с грустью сказал Сарданапал.

— А стражи Света? Им эйдосы не нужны? — спросил питекантроп.

— Стражи Света призваны охранять эйдосы смертных, но не похищать их! Они не зачеркивают чужую вечность. Древнир, как он ни был велик, никогда не покушался ни на один эйдос. Хотя порой мне кажется, что он был не простым белым магом. Я думаю, что...

— ...он был одним из стражей Света? — закончил Поклеп.

— Возможно, — уклончиво ответил Сарданапал. — Стражи Света редко кричат о себе во всеуслышание. Они уважают свободу выбора и предпочитают роль наблюдателей.

— Но чем так опасен этот мальчишка, Сарданапал? Почему мы должны бояться Мефодия Буслаева?

Сарданапал сел за стол и, окунув в чернила гусиное перо, сделал на бумаге замысловатый росчерк:

— Что вы знаете о Древнире? Не как о мудрейшем маге, основателе Тибидохса, но как о человеке из плоти и крови? Немного, не правда ли?

— Очень немного. Он не любил смешивать дела и частную жизнь. Да и вообще, когда я с ним познакомилась, он держался очень отстраненно. Мог пройти в полуметре от тебя и даже не заметить. Было похоже, что все его мысли где-то в астрале, — сказала Медузия.

Академик кивнул:

— Примерно так дело и обстояло. Особенно в последние годы, когда Древнир достиг такого прозрения, что видел и прошлое, и будущее. А когда одновременно видишь и прошлое, и будущее, на настоящее времени как-то не хватает. И ты, разумеется, не знала, что у Древнира был сын?

— Я — нет, — пожала плечами Медузия.

— А я знала. Но вот что с ним стало, мне неизвестно. Древнир никогда не упоминал об этом, — сказала Ягге.

— Это случилось осенней ночью в последний год магических войн, — начал рассказывать Сарданапал. — Мир так переполнился злом, что стал уже уставать. Древнир и его сын возвращались после какой-то встречи. Так случилось, что они вдвоем оказались в глухом лесу. И внезапно на них напали. Нежить и стражи Мрака окружили их сплошной стеной. Нельзя было ни телепортироваться, ни позвать на помощь, ни использовать заклинания — нападавшие все предусмотрели и запаслись сильными артефактами. Тогда Древнир глубоко вонзил свой меч в дерево. Магия его меча, магия дерева и магия земли, с которой дерево было связано корнями, объединились, и

вокруг ствола образовалось узкое кольцо света. Древнир и его сын стояли в сияющем круге, вокруг которого толпились нападавшие. Нежить суетилась, лезла друг на друга, давила передних, но не могла пробиться внутрь круга. Стражи Мрака были умнее. Они встали поодаль и, не пытаясь пробиться внутрь, спокойно стояли и ждали своего часа. Они знали, что внутрь круга им все равно не прорваться и самое мудрое — не расходовать понапрасну силы. Так прошло два дня и две ночи. Нежити становилось все больше. Она облепила круг со всех сторон, даже копошилась внизу, под землей. Стражи Мрака все еще были тут. Они спокойно сидели на земле и ждали. Тут были все лучшие их бойцы — горбун Лигул, мечник Арей, Хоорс и другие. Они надеялись, что их час наступит. Древнир с сыном спали по очереди, ломая голову, как подать сигнал и позвать на помощь остальные силы Света. И вот на третью ночь, уже перед рассветом, когда Древнир, дежуривший до того, заснул, мечник Арей оскорбил сына Древнира и бросил ему вызов. Арей поклялся нерушимой клятвой Мрака, что они будут биться один на один, и если сын Древнира победит, то его и отца отпустят. Сын Древнира, очень горячий и молодой, принял вызов. Он вытащил из дерева меч отца, не заметив, что его кончик обломился и остался в дереве, и сделал шаг из круга...

— И тут нежить набросилась на него? — взволнованно спросил Тарарах.

Забыв о шашлыке, горячий питекантроп взмахнул шпагой маршала Даву, забрызгав профессора Клоппа горячим жиром.

— Ви сбрендиль с ума! Ви метать в меня ваш скверны шашлик! — завизжал Клопп.

— Нет. Я думаю, что бой действительно был честным. Арею не было смысла нарушать клятву, да это и не